

УДК 81'27, 81'25
ББК Ш1.81

КОНЦЕПТ «ДУХОВНОСТЬ»: ПОНЯТИЙНАЯ И ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕВОДНОГО ДИСКУРСА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).

Е. С. Краснопева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

На основе данных об этимологии имени концепта, анализа употреблений и толкований слов духовность и духовный проводится анализ понятийной и отчасти значимостной составляющих концепта ДУХОВНОСТЬ. Анализируются контексты употребления имени концепта в текстах разных исторических периодов. Дополнительно ставится цель выявить роль переводного дискурса в процессе формирования современного состояния концепта, исследуются особенности трансляции контекстов его употребления из переводов в непереводные тексты.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, духовность, переводной дискурс.

Вслед за А. Вежбицкой, начиная рассказ о слове, его месте и роли в изучении культуры, обратимся к известной фразе Э. Сепира: «Словарный состав очень точно выражает особенности культуры народа» (“<...> vocabulary is a very sensitive index of the culture of a people”) [Цит. по 46. С. 10]. Слово как объект исследования приобретает особый статус в рамках лингвокультурной концептологии: «знаковое тело» концепта, по замечанию С. Г. Воркачева, «стоит» над его смысловой областью, как спутник стоит на геостационарной орбите [6]. Вербализация концепта в определенном языке свидетельствует о его значимости в культуре и, собственно, об его онтологическом статусе [6]. «Русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских <...> слов, означающих культурные концепты», – отмечает Ю. С. Степанов [36. С. 10].

Для изучения семантики лингвокультурного концепта в его составе выделяют понятийную, образную и значимостную составляющие [7]. Каждый из обозначенных компонентов по своему соотносится со знаковым телом, которое, в свою очередь, рассматривается в качестве предмета лингвистического исследования [6].

Значимостная составляющая концепта раскрывается в ходе анализа эволюции внутренней формы имени концепта, соотношения его частеречных реализаций, парадигматики, синтагматики и словообразовательной продуктивности [6]. Несвободная сочетаемость имени

концепта, его образно-метафорические коннотации и прецедентные связи позволяют наглядно описать образную составляющую концепта [7]. Понятийная составляющая задается эксплицитным перечислением его дефиниционных и энциклопедических признаков [5].

В соответствии с традиционной методикой, описанной в Словаре русской культуры [36], исследование концепта начинается с изучения этимологии его имени. Определив исторические этапы вхождения слова духовность в привычный русский обиход, проанализировав роль переводного дискурса в становлении современных оттенков значения слова, мы попытались отчасти проследить и эволюцию концепта ДУХОВНОСТЬ (как отмечает Ю. С. Степанов, «разумеется, лишь пунктирно, но все же, по возможности, до сегодняшнего дня» [36. С. 8]).

В словарях современного русского языка слово духовность характеризуется как абстрактное, отвлеченное существительное и зачастую определяется через отрицание – как свойство, сущность, природа особого характера, противопоставляемая материальной, телесной природе:

«свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [22. С. 183]; «духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности» [19]; «психическая, интеллектуальная сущность; духовная,

внутренняя жизнь (противопологается телесности)» [32. С. 531]; «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа (в 1 знач.)» [37].

В данной статье мы постараемся проследить, как менялась норма использования существительного духовность и прилагательного духовный в русском языке, и как эта норма отражала формирование современного представления о ДУХОВНОСТИ в российской культуре.

В Историко-этимологическом словаре русского языка проф. П. Я. Черных отмечает, что все производные древнерусского доухъ (со значением «душа», «разум», «настроение», «дуновение», «ветер», «испарение»), помимо духовнъ и духовьный, бытовавших в языке с XI в., – поздние (XVIII–XIX вв.) [40. С. 276]. Доухъ – наиболее близкое в этимологическом плане общиндоевропейскому *dheu* [40; 41] – «дуновение», «движение воздуха», «ветер», соответствующее по значению греческому πνεῦμα и древнееврейскому *rûach*. Как писал М. В. Ломоносов, «<...> отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Данаскиновыхъ и другихъ творцевъ канонѡвъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и отъ туду умножаемъ довольство Россійскаго слова» [18. С. 4]. Значения «ангел, одно из лиц Святой Троицы» и «духовное начало в человеке» пришли в язык благодаря переводам с греческого. О. А. Седакова, переводчик и доктор богословия, говорит о сложном пути языкового творчества греческих миссионеров, которым пришлось радикальным образом в семантическом плане преобразовать один из устных славянских диалектов: «<...> для перевода греческого *пнеѡта* он[и] брали славянское слово дух. Но в живом языке славян дух вовсе не значил того, что теперь мы имеем в виду – как и доньше он не значит этого в диалектах. Это слово означало не более чем дыхание, или запах, или жизненную силу... В греческом слове *пнеѡта* такой вещественный смысл тоже присутствовал <...> переводчики сцепили греческое и славянское слово по их предметному, вещественному значению <...> вложили в славянское слово ту семантическую вертикаль, на которую ушли века работы греческой культуры. <...> было создано все поле отвлеченных или культурных понятий, которыми славянские языки еще не обладали» [26].

Так, М. Фасмер в статье дух приводит параллели из Супральской рукописи – πνοή («ветер, дыхание, дух»), πνεῦμα («душа, дух»),

ψυχή («душа») [45]. В Словаре древнерусского языка также приводятся греческие параллели для прилагательного доуховьный – πνευματικός и πνευματικῆς – из Изборника Святослава 1076 г. и Кормчей Ефремовской, датируемой XII в. [28]. В некоторых контекстах, как отмечается авторами словаря, прилагательное субстантивируется и в форме среднего рода выступает в качестве эквивалента πνεῦματος, определяемого как «нечто духовное», близкое по значению существительному дух (в Библии в большинстве контекстов в значении «Дух Святой»). Говоря о значениях прилагательного, П. Я. Черных делит их на две категории: «spiritualis» и «церковный», которые можно рассматривать также в качестве лексико-семантических вариантов (ЛСВ). В дефиниционной структуре адъектива это деление прослеживается, начиная с наиболее ранних этапов употребления (зафиксированных в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. [28]) и заканчивая современными контекстами.

ЛСВ «spiritualis» или «spiritalis», полный эквивалент πνευματικός, объединяет, на наш взгляд, все значения, которые так или иначе можно противопоставить «материальному, телесному». ЛСВ «церковный» присутствует в большинстве проанализированных словарных статей благодаря реализации сочетаемости духовные словеса, духовный отец, духовное чадо, духовное пение, духовная служба, духовный приказ. В отличие от прилагательного, по большей части сохранившего две указанные категории ЛСВ до настоящего времени, вербализатор концепта – слово духовность – при рассмотрении в диахронии теряет одни лексико-семантические варианты и приобретает другие. От духовности как «дел в ведении духовенства» и «studium rerum caelestium» в XVII в. мы приходим к секуляризованному «высокому уровню нравственных, интеллектуальных потребностей и норм» [32. С. 531] в современной российской лингвокультуре.

Отмечается, что форма с суффиксом *-ость* – это позднее новообразование, производное от прилагательного духовный по западно-европейским образцам [1; 42]. Действительно, уже в XVI в., по замечанию Н. М. Шанского, *-ость* становится одним из самых распространенных суффиксов на Юго-Западной Руси [1]. Увеличение количества употреблений на *-ость* шло главным образом за счет усвоения литературного языка южнорусских территорий, а также польских целостных лексем [1].

В церковных грамотах XVII в. духовность употребляется в значении «дела, касающиеся веры и нравственности и подлежащие ведению духовенства»: быти въ духовности у кого-либо – «иметь кого-то духовником, наставником в делах веры»; по духовности – «на правах духовника, в качестве духовника» [30. С. 382]. Акцент в семантике имени делает компонент, сформулированный В. И. Далем как «все относящееся к Богу, церкви, вере» [10. С. 561]. В контекстах, представленных в историческом корпусе Национального корпуса русского языка [20] бытует параллель. «Приимати кого-либо духовность – духовство – духовенство» – «становиться чьим-то духовником»:

«... мірскихъ людей мужеска полу и женска архимандриту Феодосію въ духовность себѣ не принимать» (Настольная грамота, данная Питиримом, митрополитом новгородским, Феодосію, архимандриту Иверского монастыря (1669.07.01) 1669 г. [20]). «И аще кто къ нему приходитъ от дѣтей духовныхъ мирскихъ людей, и онъ да разсужаетъ ихъ <...> а иконического чина къ себе в духовство не приимати, кромѣ великия нужды» (1658 г.)» [30. С. 384]. «И аще кто к нему приходити начнет в духовенство монашескаго чина, и он их да разсудет <...> А мирскихъ людей к себе в духовенство да не приимает, кромѣ великия нужды» (Благословенная грамота Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, иеромонаху Ионе на служение в Никольской церкви Маркушевского монастыря [20]).

Духовность-ведомство (в словарной статье «духовность» В. И. Даль определяет один из ЛСВ именно как «духовную часть», «ведомство» [10. С. 561]), духовность церковная опиралась на средневековый принцип просветительства как учения конкретного, отдельного человека – учебы «в тайне», на принцип духовного отцовства. «Количество духовных детей говорило о популярности, об авторитетности пастыря» [23], «<...> каждый, включая царя и митрополита (а потом патриарха) всея Руси, выбирал себе духовного отца <...> Между духовным чадом и духовным отцом устанавливались отношения учащегося и учащего» [23], что отражается и в языке: быти у кого-либо в духовности; духовник; духовный сан; духовный отец; духовные дела; духовные сыновья и дочери; духовный приказ – все эти микроконтексты иллюстрируют идею ЛСВ духовности-ведомства и говорят о пастырской роли церкви. «Церковь – лечебница, которая

лечит израненного человека», – пишет наш современник греческий митрополит Иерофей Влахос [3]. Стараясь удержать общество в послушании, Патриарх Никон стремился к повышению нравственного уровня священнослужителей, и в его словах: «Церковь – не стены каменные, но каноны и пастыри духовные» [Цит. по 21], – заключается сущность рассматриваемого лексико-семантического варианта имени духовность.

«Православная религиозность исторически сложилась в тип храмового благочестия. При низком уровне просвещения это вело к обоготворению исторически относительных и временных обрядовых форм <...> Обрядовереие занимало слишком большое место в русской церковной жизни» [2. С. 16], что стало отчасти материальной почвой для раскола церкви. Позднее в описаниях «Раскольничьих дел XVIII столетия» [13] мы наблюдаем системную противопоставленность в духовности быти и в раскол впасти: духовность появляется в одном контексте со словами мытарства, вина, лживцы, допрос, засвидетельствовать, показания, накрепко расспрашивать, накрепко испытывать, государственная права, допросныя речи, наказание истязанием и др. Обвинение в расколе, судя по приводимым в делах документах, опровергается достодолжной священнослужителя, что человек «повсягодно исповедуется, духовного отца имеет, в духовности у кого бывает и в церковь ходит» [13. С. 527], духовность есть нечто близкое порядку, послушанию и контролю.

Действительно, как отмечает академик А. М. Панченко, проповедуя на улицах и площадях, именно протопоп Аввакум и «боголюбцы» вольно или невольно реформировали принцип просвещения-тайнства и, соответственно, духовности-ведомства: «В толпе слушателей духовные дети проповедника либо вовсе отсутствовали, либо составляли ничтожное меньшинство. Это и есть просветительство, которое родилось в эпоху Ренессанса, когда книгопечатание радикально умножило связи между теми, кто сочиняет, и теми, кто только читает» [23].

Но «<...> в московской Руси была настоящая болезнь просвещения. Наука вызвала познание как “латинство”» [2. С. 17]: к концу XVII в. в русской лингвокультуре происходит столкновение двух систем ценностей – традиционной, идеациональной, канонической и европеизированной, секулярной, гумани-

стической» [16. С. 78]. Западную культурную модель, восходящую к христианскому аристотелизму, проповедовали «латинствующие». Одной из задач ставилось соединение веры с культурой [2]. «При этом “новаторы” оставались в рамках религиозного сознания, проповедуя не столько смысл веры, сколько религиозный эстетизм» [16. С. 77]. Именно через творчество Симеона Полоцкого (западнорусского монаха, придворного учителя Федора и Софьи, переводчика и поэта, определившего, по словам С. М. Соловьева, «польское влияние» [34. С. 175]), и во многом через переводы с польского, в русскую культуру входит христианский аристотелизм, «“внутренняя форма” западной духовности на разных ее уровнях» [25. С. 88]. Так, в 1699 г. Симеон в произведении «Венец веры кафолическия» посвящает царевне Софье следующие слова:

«О благороднейшая царевна София, ищещи премудрости выну небесные. По имени твоему жизнь твою ведещи: *мудрая* глаголеши, *мудрая* деши. Ты церковные книги обыкла читати и в отеческих свитцах мудрости искати. Уведевши же, яко и книга новая писася, яже Венец веры реченная, возжелала ту оси сама созерцати и еще в черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну в духовности быти, велела еси чисто ону устроить» [Цит. по 34. С. 176].

Произведения Симеона – это в первую очередь «книги для чтения», чужеродный каноничности православия, «расцерковленный», «обмирщенный» текст Святого Писания, переложенный в вирши, и другие нравственно-дидактические поэмы, духовные смыслы которых зиждутся не на трансцендентном за пределами текста («в духовном смысле идеациональной древнерусской культуры» [16. С. 78]), а на самой эстетической материи текста [15]. В этом можно усмотреть секуляризацию концепта и постепенный сдвиг элемента значения «относящийся к церкви» на периферию.

А. И. Соболевский, изучая влияние переводов на язык Московской Руси, отмечает: «Должно замѣтить, что говорить о преимущественномъ влияніи польской литературы на литературу Московской Руси мы не имѣемъ никакого права <...> мы воспользовались главнымъ образомъ польскими переводами западно-европейскихъ произведений и написанными на польскомъ языкѣ сочинениями южно-русскихъ авторовъ <...> переводили [основная группа переводчиков – переводчики посольского приказа. – Е. К.] с польского такъ, что

ихъ переводъ не что иное, как переписанный русскими буквами польскій текст оригинала <...>» [33. С. 94–95]. Так, в «Истории вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской», переведенной с латыни на польскій, а затем на русскій с «так[им] огромн[ым] число[м] полонизмовъ, что переводчикомъ должно считать поляка» [Там же], мы видим имя духовность, противопоставляемое мирской росправе:

«И Васлав посылал в Рим, чтобы ему отец папа велел быть в чину духовном, {л. 488} понеже сердце гораздо было склонно к духовности, а нежелал к мирской росправе» [20] (История вкратце о Бохеме (1650–1675)).

В современном польском языке аналог духовности имеет форму *duchowość* (и их значения по большому счету совпадают), однако в Полоногреколатинском тезаурусе Г. Кнапского 1626 г. мы находим форму, сохранившуюся в русском языке: *duchowność* приводится в лексиконе через косую черту со словом *duchowieństwo* (в отдельной статье определяемое как *Clerus*), на латынь и греческий переводится, соответственно, *Studium rerum caelestium* и *θεία φιλοσοφία* [44. С. 153]. Интересно обратить внимание на параллель: осуществляя поисковый запрос по ключевым словам *θεία φιλοσοφία* в библиотеке Google Books, мы видим, что фраза присутствует в лексиконах Платона и Аристотеля, а у Данте преобразуется в *divina filosofia*:

«Философия есть любовное пользование мудростью, которое преимущественно свойственно Богу, так как в Нем Высшая Мудрость, и Высшая Любовь, и Высшая Действенность; и коль скоро оно имеет место где-нибудь еще, то лишь постольку, поскольку проистекает из Него же. Таким образом, Божественная философия причастна Божественной сущности потому, что в Боге не может быть ничего, что было бы добавлено к Его сущности; и Философия в высшей степени благородна, ибо Божественная сущность благородна в высшей степени; и она пребывает в Боге совершенно и истинно, словно навеки она Его супруга» [11. С. 192].

Абстрактный характер, трактовку как свойства и сущности на русском языке духовность получает лишь в эпоху Просвещения*, с укре-

* Интересно заметить, что значения «лица духовного звания, духовенство» и «принадлежность к тому или иному церковному приходу» сохраняются в русских говорах – тульских и владимирских вплоть до конца XIX – начала XX вв. («а наши мужики пошли к духовности и взяли уж у священника (1898 г.), Чьей духовности?» (1905–1921 гг.) [29. С. 279].

плением влияния европейской культуры, французской, немецкой философии и науки.

XVIII – первая четверть XIX вв. – значительный этап в истории русского литературного языка, когда происходит движение к постепенному оформлению сложной отвлеченной лексики, регламентации норм литературного языка [1. С. 6–18].

Многие слова и выражения, в особенности «метафизический язык», обретали как иную форму, так и содержание. Новый смысл, возникший в результате семантического сдвига в эпоху петровских преобразований, соотносился по определенным семантическим схемам со старым смыслом, так или иначе известным носителям языка [14]. «Семантические сдвиги представляют собой не только феномены истории слов, но и феномены истории понятий, поскольку слова с новоприобретенными значениями составляют новую понятийную парадигму и оказываются основой для модернизационных дискурсивных практик» [14].

Мы не находим формы духовность в Словаре Академии российской 1790 г. [27], но в Словаре русского языка XVIII в. она фиксируется [31]. Именно здесь можно наблюдать сохранение ЛСВ «занятия, сфера деятельности духовенства» и выделение варианта «свойство духовного», стоящего на второй позиции в словарной статье. Заметим, что оба контекста, использованные авторами словаря для описания ЛСВ духовности-свойства, так или иначе иллюстрируют привнесение в русскую культуру духовности западных ветвей христианского вероучения и идей европейского Просвещения. Автором фразы, приводимой составителями словаря, является русский ученый, поэт и переводчик В. К. Третьяковский, внесший вклад в систематизацию русского философского языка (во многом благодаря глоссам на греческом и латыни, которыми снабжал свои труды). Воспитанный в католической традиции, воинствующий просветитель в молодости, которого «русская обстановка поражала <...> своей отсталостью, а особенно раздражало <...> всевластие церковного мировоззрения» [24. С. 218], следуя идеологии немецких и французских просветителей (частично автор соглашается с Лейбницем, Вольфом и Декартом, его доводы существования Бога близки доводам Вольтера и Монтескье в спорах с атеистами [Там же]), стремится дать понятиям однозначную трактовку:

«постигаем свойства и совершенства Божия, самостоятельные (*absoluta*) и возноситель-

ные (*relativa*); а сии последние как естественные (*physica*), так и нравственные (*moralis*). Постигаем из самостоятельных Божию духовность, довольность, безначальность, бесконечность, премудрость... а по возносительным нравственным утверждаем в Нем благодать, благоутробие, истинность, святость, правосудие и обладание Его всеми нами» [39. С. 296].

Как отмечает С. Г. Воркачев, «Философские понятия-термины, как и научные понятия вообще, определены и наполнены конкретным содержанием лишь будучи включенными в теорию, которая выступает границей их смысла» [7. С. 66] – в произведениях Третьяковского духовность-свойство становится ЛСВ – приобретает типичную синтаксическую сочетаемость (духовность Божия, божества; постигать духовность), отношения синонимии/антонимии, гипонимии/гиперонимии (духовность есть свойство Божие, свойство самостоятельное – *absoluta*), воплощающие новую, заимствованную семантику:

В-первых, познаваем, что бог есть и жизнь и дух;

О себе он сведом; *внутренний имеет слух*;

Состояния притом сущную и цельность

И по сущности своей непрестанну дельность.

Мы сию духовность присвоаем божеству

По душе духовной, *по ее и существу*.

Что в произведённом есть, есть же то известно,

А не прежде быть в вине, понимать безместно;

Тем иль превосходно, прежде то иль суще в ней:

Бог жив и духовен по причине точно сей [38. С. 152].

По Третьяковскому, духовность Бога – картезианское «абсолютное совершенство», то есть «самость» Бога, его сущность и суть:

«Ведь, поскольку я знаю на основе идеи Бога, что Бог – совершеннейшее бытие, коему присущи все абсолютные совершенства, я должен приписывать ему лишь то, что познал как абсолютно совершенное; а все, что я могу определить как таковое и воспринять в качестве абсолютно совершенного, я познал – именно потому, что могу это сформулировать, – как относящееся к природе Бога» [12. С. 461–462].

Второй пример, приводимый авторами словаря, – это фрагмент труда «Рассуждение о благоденствии общенародном» итальянского богослова и историка Л. Муратория. Интересно

заметить, что перевод произведения сделан не с итальянского оригинала, а на материале французского перевода М. И. Поповым, «сторонник[ом] вольной русификации [иностраннх пьес]» [35. С. 469]. Попов-переводчик стремится к доместикации, скрытому переводу (*covert translation*). Фрагмент «О Духовности и бессмертии души» в итальянском тексте звучит как “e la Spiritualita, e Immortalita dell’ Anima umana” и находится в главе “Della Logica, Fisica, e Metafisica”. Духовность (души) здесь – один из предметов изучения метафизики (“*Metafisica <...> una Scienza nobilissima*”), наряду с “*l’esiscenza, e le perfezioni di Dio u Immortalita dell’ Anima umana*” [43. С. 79].

В переводном дискурсе, который называют своеобразным «промежуточным образованием», пограничной структурой (подробнее см. [17. С. 45–47]), происходит «столкновение двух состояний переводящего языка: статического и динамического <...> Чем выше социальная значимость “чужого” в принимающей культуре, тем быстрее оно ассимилируется в ней, тем быстрее и легче закрепляются в переводящем языке новые формы, привнесенные переводом, благодаря частотности их употребления в речи» [8. С. 12]. Порождение новых контекстов употребления влечет за собой образование нового лексико-семантического варианта, его закрепление в лингвокультуре и влияет непосредственно на формирование/деформацию концепта.

Авторство переводной версии «Рассуждения о благоденствии общенародном» дает нам возможность рассуждать, что заказ на перевод был сделан Н. И. Новиковым, «главным деятелем русского Просвещения XVIII века», русским масоном, переводчиком и издателем, искавшим истинного христианства и сыгравшим немалую роль в формировании переводного дискурса своего времени. «Неудовлетворенность официальной церковностью, в которой ослабела духовность, была одной из причин возникновения мистического масонства в России» [2. С. 24]. (В связи с этим интерес представляет изучение таких форм, как теософия, спиритуализм, спиритизм, пневматология/духословие [10], с точки зрения их вхождения в обиход и трансформации семантики духовности). «Масонство было у нас стремлением к внутренней Церкви, на внешнюю церковь смотрели как на переходное состояние» [2. С. 24].

Как концепту идеоэтническому, как идее «внутренней Церкви» ДУХОВНОСТИ пришлось раскрыться в XIX и первой половине

XX в. на почве христианской мысли. Именно в русской религиозной философии, благодаря трудам А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, ДУХОВНОСТЬ приобретает глубину и может рассматриваться как лингвокультурное поле. Как отмечает Ю. С. Степанов в предисловии к Словарю русской культуры, «<...> предмет <...> Словаря – концепты русской культуры как часть культуры общеевропейской, взятые, прежде всего, в момент их ответвления от европейского культурного фона <...>» [36. С. 10]. Эту эпоху, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве основного этапа концептогенеза русской ДУХОВНОСТИ.

В советский период появляется деление духовности на «религиозную» и «светскую», обоснованное И. В. Гостевой [9]. Нравственность в определениях духовности-свойства появляется уже в контекстах XVIII в., но на первый план, как показывает дефиниционный анализ, выходит в конце XIX и XX вв. «Менялись моральные установки общества – менялся ценностный континуум концепта. Именем поля в это время [1981–1985 гг. – Е. К.] можно считать Нравственность», – заключает в результате анализа публицистических изданий периода И. В. Гостева. «<...> в период крушения атеистической советской идеологии [1990-е гг. – Е. К.] <...> Духовность и нравственность вновь объединяются в одном лингвокультурном поле, актуализирована переходная единица духовно-нравственный» [9].

В Малом академическом словаре [19] и Толковом словаре Д. Н. Ушакова [37] определение духовности дается с пометами «книжное, устаревшее». По словам С. Г. Воркачева, «Выпадение из речевого обихода какого-либо слова, как правило, указывает на утрату общественной значимости той реалии, к которой оно отправляет» [4. С. 111]. Действительно, если рассматривать исключительно имя концепта в период составления указанных словарей (1940–1980 гг.), график распределения количества употреблений слова стремится к нулю по данным Основного корпуса НКРЯ [20] и сервиса Google *Ngram Viewer* (URL: <https://books.google.com/ngrams>), работающего на основе русскоязычной коллекции текстов *Google Books*. Эти же графики иллюстрируют скачок в количестве употреблений с середины 1980-х гг. Интересно сопоставить этот график со статистикой употребления кальки «*dukhovnost*» в англоязычной публицисти-

ке. Что, как не заимствование формы имени, говорит об этноспецифичности концепта: «*dukhovnost*» появляется в контекстах рядом с «*perestroika*» и «*glasnost*», причем, будучи в переводоведческой терминологии реалией, а в лингвистической – лакуной или безэквивалентной лексемой, всегда поясняется, снабжается определением. Актуальным представляется проанализировать функционирование подобных дефиниций в иноязычных переводных и непереводных дискурсах на основе традиционных для лингвокультурологии методик.

В качестве перспективы исследования также обозначим, что постановка проблемы в рамках лингвокультурного концептуального анализа направляет исследователя к использованию масштабного набора инструментов для изучения языка и, соответственно, культуры *in vivo*, на базе реально существующих текстов. Так,

лексические портреты (инструмент Wordsketch в системе Sketch Engine), на основе данных корпуса ruTenTen2011, доступного в Sketch Engine и насчитывающего более 18 млрд. словоупотреблений, показывают, что наиболее частотным в конструкции «и/или» с прилагательным духовный встречается слово нравственный, а с именем концепта – нравственность (URL: <http://www.sketchengine.co.uk>). Так, разделяемые В. К. Тредиаковским как разные «совершенства Божия», которые «мудрости последуюя» мы постигаем, духовность и нравственность (у Тредиаковского – *moralis*) стали, по С. Г. Воркачеву, слаборазнозначными синонимами и слились в современной российской лингвокультуре в одну категорию, о чем мы можем рассуждать, обращаясь к лексическому портрету слова.

Список литературы

1. Баяндина, Н. А. К истории имен существительных с суффиксом -ость в русском литературном языке XVIII пер. чет. XIX вв. : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Баяндина. – Казань, 1999. – 249 с.
2. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – М., 2015. – 320 с.
3. Вламос, И. Православная духовность / И. Вламос. – М., 1999. – 133 с. – URL: http://lib.pravmir.ru/library/readbook/212#part_927.
4. Воркачев, С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики / С. Г. Воркачев // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2016. – № 3. – С. 111–116.
5. Воркачев, С. Г. *Anglica selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2012. – 205 с.
6. Воркачев, С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta* / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2014. – 330 с.
7. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М., 2004. – 192 с.
8. Гарбовский, Н. К. Перевод и «переводной дискурс» / Н. К. Гарбовский // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 22. Теория перевода. – 2011. – № 4. – С. 3–19.
9. Гостева, И. В. Лингвокультурологическое поле «Духовность»: структура и динамика / И. В. Гостева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 36 – С. 34–39.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 2006. – Т. 1. – 752 с.
11. Данте, А. Малые произведения = *Opera minora* / А. Данте. – М., 1968. – 652 с.
12. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт. – М., 1994. – Т. II. – 633 с.
13. Есипов, Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым : в 2 т. / Г. В. Есипов. – СПб., 1861–1863. – Т. 1. – 654 с.
14. Живов, В. М. История понятий, история культуры, история общества / В. М. Живов // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. – М., 2009. – 432 с.
15. Камедина, Л. В. Духовные смыслы русской словесной культуры / Л. В. Камедина. – Москва-Берлин, 2014. – 284 с.
16. Камедина, Л. В. Трансформация целостности духовного смысла в русской культуре: художественный текст XVIII – начала XIX вв. / Л. В. Камедина // Учен. зап. Забайк. гос. ун-та. – 2011. – № 4. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. – С. 77–84.

17. Краснопева, Е. С. Лексические особенности русскоязычного переводного дискурса: корпусное сравнительно-сопоставительное исследование на материале современной художественной прозы : дис. ... канд. фил. наук / Е. С. Краснопева. – Челябинск, 2015. – 211 с.
18. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – СПб., 1803. – Т. 1. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:ПСС_М._Ломоносова._Том_1_\(1803\).pdf/362](https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:ПСС_М._Ломоносова._Том_1_(1803).pdf/362).
19. Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984. – URL: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=118.
20. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/>.
21. Никон, Патриарх Московский и всея Руси (Минин Никита Минич) // Энциклопедия «Деятели Русской Православной Церкви». – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/561484.html>.
22. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – 944 с.
23. Панченко, А. М. Аввакум как новатор / А. М. Панченко // Русская литература. – 1982. – № 4. – С. 142–152. – URL: <http://panchenko.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2328>.
24. Пумпянский, Л. В. Третьяковские / Л. В. Панченко // История русской литературы : в 10 т. – М.; Л., 1941. – Т. 3, ч. 1. – С. 215–263.
25. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М., 2006. – 896 с.
26. Седакова, О. А. Искусство перевода. Несколько замечаний. Лекция, прочитанная в Британском музее / О. А. Седакова. – URL: <http://olgasedakova.com/127>.
27. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб., 1790. – Ч. II. – 664 с.
28. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / под ред. Р. И. Аванесова. – М., 1990. – Т. 3. – 511 с.
29. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. – М.; Л., 1972. – Вып. 8. – 369 с.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. – М., 1977. – Вып. 4.
31. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – СПб., 1992. – Вып. 7. – 264 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.
32. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М., 1993. – Т. 4. – 576 с.
33. Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы / А. И. Соболевский. – СПб., 1903. – 460 с.
34. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М., 1997. – Кн. 7., т. 13–14. – 746 с. – URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/13_02.html.
35. Степанов, В. П. Попов М. И. / В. П. Степанов // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 469–472.
36. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
37. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – URL: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117.
38. Третьяковский, В. К. Избранные произведения / В. К. Третьяковский. – М.; Л., 1963. – 579 с.
39. Третьяковский, В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / В. К. Третьяковский. – СПб., 2009. – 667 с.
40. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М., 1999. – Т. 1. – 624 с.
41. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М., 1971. – 542 с.
42. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М., 2010. – Т. 1. – 584 с.
43. Muratori, L. Della pubblica felicità oggetto de' buoni principi: trattato / L. Muratori. – 1749. – 236 p.
44. Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae. – Cracoviae, 1626. – 1465 s.

45. Vasmer, M. Russisches etymologisches Wörterbuch / M. Vasmer. – Heidelberg, 1953–55. – Bd. 1–2.

46. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words / A. Wierzbicka. – New York, Oxford, 1997. – 317 p.

Сведения об авторе

Краснопеева Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ye.kr121csu@gmail.com

---

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 9 (391).

Philology Sciences. Issue 102. Pp. 93–103.

THE CONCEPT OF RUSSIAN SPIRITUALITY («DUKHOVNOST»): ITS NOTION AND VALUE THROUGH THE LENS OF TRANSLATED DISCOURSE

E. S. Krasnopeyeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ye.kr121csu@gmail.com

This paper presents a study of notional content and value of the concept of Russian Spirituality («Dukhovnost»), starting off with the analysis of «*dukhovnost*» and *dukhovnyi* etymology, contexts of their use and dictionary definitions. Methodology applied in the study is traditional, developed by the Russian school of Linguocultural Concept Studies. The author discusses examples of «*dukhovnost*» and *dukhovnyi* usage found in texts from various time periods in history, including instances from the works of Symeon of Polotsk, V. K. Trediakovsky, translations by M. I. Popov, and concordance lines retrieved from the historical corpora of the Russian National Corpus. New prospects for further study into semantics of the concept are outlined, including corpus-based ones. In parallel to the study of the concept semantics, an attempt was made to track the role translated discourse played in the formation of the concept in its current state by looking at how the contexts of use are transferred from translated to non-translated discourse.

Keywords: *linguocultural studies, concept, definitional analysis, contextual analysis, spirituality, translated discourse.*

References

1. Bayandina N.A. *K istorii imen sushchestvitel'nyh s suffiksom –ost' v russkom literaturnom yazyke XVIII per. chet. XIX vv.* [Towards the history of nouns with suffix –ost in literary Russian of 18th and beginning of the 19th centuries]. Kazan, 1999. 249 p. (In Russ.).

2. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.).

3. Vlahos I. *Pravoslavnaya duhovnost'* [Orthodox Spirituality]. Moscow, 1999. 133 p. Available at: http://lib.pravmir.ru/library/readbook/212#part_927, accessed 01.08.2016. (In Russ.).

4. Vorkachev S.G. «Reliktovoe chuvstvo»: poryadochnost' po dannym korpusnoj lingvistiki [Archaic feeling of decency: based on corpora data]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Herald], 2016, no. 3, pp. 111–116. (In Russ.).

5. Vorkachev S.G. *Anglica selecta: izbrannye raboty po lingvokonceptologii* [Anglica selecta: selected works on linguocultural studies]. Volgograd, 2012. 205 p. (In Russ.).

6. Vorkachev S.G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta* [Evocation of meaning: conceptualia selecta]. Volgograd, 2014. 330 p. (In Russ.).

7. Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow, 2004. 192 p. (In Russ.).

8. Garbovskij N.K. *Perevod i «perevodnoj diskurs»* [Translation and “translated discourse”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2011, no. 4, ser. 22, pp. 3–19. (In Russ.).

9. Gosteva I.V. Lingvokul'turologicheskoe pole «Duhovnost'»: struktura i dinamika [Linguocultural field of Spirituality: structure and dynamics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2008, no. 36, pp. 34–39. (In Russ.).
10. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the great living Russian language], vol. 1. Moscow, 2006. 752 p. (In Russ.).
11. Dante A. *Malye proizvedeniya = Opera minora* [Short works = Opera minora]. Moscow, 1968. 652 p. (In Russ.).
12. Dekart R. *Sochineniya* [Works], vol. II. Moscow, 1994. 633 p. (In Russ.).
13. Esipov G.V. *Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya. Izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tajnoj rozysknyh del kancelarii G. Esipovym* [The the 18th century affairs of raskolnyki. Excerpts from the files of Preobrazhenski prikaz and secret office by G. Esipov], vol. 1. St. Petersburg, 1861–1863. 654 p. (In Russ.).
14. Zhivov V.M. *Istoriya ponyatij, istoriya kul'tury, istoriya obshchestva* [History of ideas, history of culture, history of society]. *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on historical semantics of the early modern age Russian]. Moscow, 2009. 432 p. (In Russ.).
15. Kamedina L.V. *Duhovnye smysly russkoj slovesnoj kul'tury* [Spiritual meaning of the Russian verbal culture]. Moscow, Berlin, 2014. 284 p. (In Russ.).
16. Kamedina L.V. Transformaciya celostnosti duhovnogo smysla v russkoj kul'ture: hudozhestvennyj tekst XVIII – nachala XIX vv. [Transformation of the integrity of the spiritual meaning in the Russian culture: literary text of the 18th – beginning of 19th century]. *Uchyonye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scholarly Notes of Transbaikalsk State University. Philosophy], 2011, no. 4, pp. 77–84. (In Russ.).
17. Краснопева E.S. *Leksicheskie osobennosti russkojazychnogo perevodnogo diskursa: korpusnoe sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie na materiale sovremennoj hudozhestvennoj prozy* [Lexical features of the Russian translated discourse: corpus-based comparative study of modern literary prose]. Chelyabinsk, 2015. 211 p.
18. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works], vol. 1. St. Petersburg, 1803. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Stranica:PSS_M._Lomonosova._Tom_1_\(1803\).pdf/362](https://ru.wikisource.org/wiki/Stranica:PSS_M._Lomonosova._Tom_1_(1803).pdf/362), accessed 01.08.2016. (In Russ.).
19. Evgen'eva A.P. (ed.). *Malyj akademicheskij slovar'* [Small academic dictionary]. Moscow, 1981–1984. Available at: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=118, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
20. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpora]. Available at: <http://ruscorpora.ru/>, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
21. Nikon, Patriarh Moskovskij i vseya Rusi (Minin Nikita Minich) [Nikon Patriarch of Moscow and all the Rus', Nikita Minin]. *Enciklopediya "Deyateli Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi"* [Encyclopedia "People of the Russian orthodox church"]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/561484.html>, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
22. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).
23. Panchenko A.M. Avvakum kak novator [Avvakum as an Innovator]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 1982, no. 4, pp. 142–152. Available at: <http://panchenko.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2328>, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
24. Pumpjanskij L.V. *Trediakovskij* [Trediakovsky]. *Istoriya russkoj literatury* [History of the Russian literature.], vol. 3, p. 1. Moscow, Leningrad, 1941. Pp. 215–263. (In Russ.).
25. Sazonova L.I. *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary culture of the Russian early modern age]. Moscow, 2006. 896 p. (In Russ.).
26. Sedakova O.A. *Iskusstvo perevoda. Neskol'ko zamechanij. Lekciya, pročitannaya v Britanskom muzee* [The art of translation. A few notes. Lecture given at the British Museum]. Available at: <http://olgasedakova.com/127>, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
27. *Slovar' Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian academy], p. 2. St. Petersburg, 1790. 664 p. (In Russ.).
28. Avanesov R.I. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the old Russian language of the 11–14th centuries], vol. 3. Moscow, 1990. 511 p. (In Russ.).

29. Filin F.P. (ed.). *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of the Russian local dialects], iss. 8. Moscow, Leningrad, 1972. 369 p. (In Russ.).
30. Barhudarov S.G. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries], iss. 4. Moscow, 1977. (In Russ.).
31. Sorokin Yu.S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century], iss. 7. St. Petersburg, 1992. 264 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
32. Gorbachevich K.S. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian language], vol. 4. Moscow, 1993. 576 p. (In Russ.).
33. Sobolevskij A.I. *Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy* [Translated literature in Rus' in 14–17th centuries. Bibliographical materials]. St. Peterburgh, 1903. 460 p.
34. Solov'ev S.M. *Sochineniya* [Works], book 7, vol. 13–14. Moscow, 1997. 746 p. Available at: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/13_02.html, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
35. Stepanov V.P. Popov M.I. [Popov M.I.]. *Slovar' russkih pisatelej XVIII veka* [Dictionary of the Russian writers of the 18th century], iss. 2. St. Petersburg, 1999. Pp. 469–472. (In Russ.).
36. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of the Russian culture. First effort of research]. Moscow, 1997. 824 p. (In Russ.).
37. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1935–1940. Available at: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117, accessed 01.08.2016. (In Russ.).
38. Trediakovskij V.K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Leningrad, 1963. 579 p. (In Russ.).
39. Trediakovskij V.K. *Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu* [Essays and translations in verse and prose]. St. Petersburg, 2009. 667 p. (In Russ.).
40. Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the contemporary Russian language], vol. 1. Moscow, 1999. 624 p. (In Russ.).
41. Shanskij N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Concise etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1971. 542 p. (In Russ.).
42. Shaposhnikov A.K. (ed.). *Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the contemporary Russian language], vol. 1. Moscow, 2010. 584 p. (In Russ.).
43. Muratori L. *Della pubblica felicità oggetto de' buoni principi: trattato*. 1749. 236 p.
44. *Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae*, vol. I. Cracovie, 1626. 1465 p.
45. Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1–2. Heidelberg, 1953–55.
46. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words*. New York, Oxford, 1997. 317 p.